

В. В. Малащенко

ТЕМА СУДЬБЫ ХУДОЖНИКА В ЭССЕ С. ДОВЛАТОВА
«ВЕРХОМ НА УЛИТКЕ»

С. Довлатов в жанре эссе обращается к судьбе художника и скульптора М. Шемякина. В статье рассматривается центральная для Довлатова тема судьбы творческой личности в условиях тоталитарного «застоя» СССР, драма вынужденной эмиграции. Юмористически-иронический стиль позволяет писателю со всей серьезностью поставить вопрос о судьбах М. Шемякина, И. Бродского, своей собственной и, обобщенно, о трагических судьбах писателей-нонконформистов в СССР. Выявляется общая доминанта бескомпромиссного служения идеям искусства, а не государства. Анализируется прагматика текста и средства ее реализации, среди которых выделяются использование эмоционально-оценочной лексики и приемы поэтического синтаксиса.

Having chosen the essay as the primary genre, S. Dovlatov, addresses the fate of the artist and sculptor M. Shemyakin. The article examines the central theme for the writer of the fate of a creative personality in the conditions of the totalitarian USSR regime in the era of stagnation and subsequent forced emigration. The humorous-ironic style is shown to have allowed the writer to raise the question of the fate of M. Shemyakin, I. Brodsky, his own fate and, in general, of the tragic fate of non-conformist writers in the USSR. The author reveals the shared dominant of the uncompromising service to the ideas of art, rather than the state. The pragmatics of the text is analyzed, which is achieved by S. Dovlatov through expressive, emotional-evaluative vocabulary and syntax.

Ключевые слова: Довлатов, Шемякин, эссе, судьба художника, свобода личности, эмиграция, юмор, ирония.

Keywords: Dovlatov, Shemyakin, essay, the fate of the artist, personal freedom, emigration, humor, irony.

Русский зарубежный поэт Лев Лосев однажды назвал Сергея Довлатова «одним из самых продуктивных и популярных эссеистов эмиграции» [13, с. 369]. Изученная слабее, чем его художественное наследие, эссеистика С.Д. Довлатова, несомненно, заслуживает особого, пристального внимания, поскольку позволяет читателю не только наслаждаться великолепным литературным даром рассказчика, которым мастерски владел Довлатов, но полнее и глубже узнать личность творца.

В качестве отправной точки наших последующих суждений обратимся к лаконичному и точному, на наш взгляд, определению судьбы из Философского энциклопедического словаря: «Судьба — предопределенность событий и поступков, совокупность всего сущего, которое влияет и не может не влиять на бытие человека, народа и т.д.» [17, с. 442].

Эссе Довлатова «Верхом на улитке», посвященное современнику-эмигранту, русскому художнику Михаилу Шемякину, было опубликовано в 6-м номере еженедельной газеты «Новый американец» в марте 1980 г. Практически в самом начале текста Довлатов акцентирует важную для понимания его позиции мысль: «Меня, откровенно говоря, волнует не живопись Шемякина, а его судьба» [8, с. 114]. Данная фраза выступает программным заявлением, которое определяет семантику всего небольшого по объему (две с четвертью страницы) эссе. Предельно точно эту особенность, одну из главных особенностей прозы Довлатова, отмечает близкий друг писателя Петр Вайль. Он подчеркивает глубокое погружение Довлатова «в человеческие связи, с подлинной, ненадуманной, настырной, честной заинтересованностью в чужой судьбе» [4, с. 219]. Довлатова волнует *судьба творческой личности* в условиях тоталитарного режима СССР эпохи застоя. Тема судьбы напрямую связана с темой свободы, и особенно — творческой свободы личности творящей. Ведь, как точно отмечает Н. Бердяев, «творчество неотрывно от свободы. Лишь свободный творит» [1, с. 368]. На прочную связь судьбы и свободы обращает внимание и Мартин Бубер: «Судьба и свобода вверены друг другу. Только тот встречается с судьбой, кто претворил в действительность свободу» [3, с. 45]. Судьба, свобода, смысл жизни художника — эти три философские категории определяют движение мысли автора эссе.

Иван Ильин, рассуждая в «Аксиомах религиозного опыта» об индивидуальной судьбе религиозного человека, говорит, что в «личной „судьбе“, которую безвольные и бездуховные люди напрасно считают раз навсегда неизменно и неотвратимо предопределенной, каждый из нас призван стать определяющим фактором, свободным двигателем, решающим духом» [12, с. 257]. Пример жизни и судьбы Михаила Шемякина, над которой задумывается Довлатов, как раз и показывает силу духа, силу человеческого и гражданского мужества художника. В жизни своего героя автор эссе рассматривает философскую, онтологически-аксиологическую, знаковую для XX в. «проблему существования человека в мучительных размышлениях о смысле бытия, в осознании временности своего пребывания в мире [16, с. 3].

Довлатов кратко, «пунктиром» [8, с. 114] обозначает основные штрихи судьбы М. Шемякина и важные этапы формирования его личности: рождение, учеба в средней школе, в художественной школе при Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, «пренебрежение соцреализмом» [8, с. 114], исключение из СХШ, самообразование, дважды — насильственное помещение в психиатрическую лечебницу. Далее — работа грузчиком, оформителем книг, конфликт с КГБ, «эмиграция, слава» [8, с. 115]. Автор рассказывает также о личном знакомстве и встречах с М. Шемякиным в Ленинграде. В этой эскизно очерченной Довлатовым судьбе М. Шемякина фрагментарно обозначены лишь отдельные этапы жизни художника и скульптора с мировым именем.

Для автора эссе судьба Шемякина, путь через трудности, лишения и испытания к последующему мировому признанию и славе, — это повод задуматься вообще над судьбой творческой личности в СССР:

Я часто думаю, откуда такие берутся?! Эти голодные недоучившиеся российские мальчишки?! С невероятными философскими реформами?! С гениальными картинами?! С романами вроде «Москва — Петушки»?! [8, с. 115].

За мыслями о судьбе М. Шемякина и судьбах творческих личностей явно проступают и размышления писателя над собственной судьбой. Автобиографичность художественных произведений Довлатова, подчеркиваемая литературными критиками, — устойчивый маркер, тоpos его поэтики, а в жанре эссе — тем более. Подобная черта прозы Довлатова дает полное право П. Вайлю и А. Генису говорить о том, что у Довлатова возникает совершенно особый и практически неповторимый «сложный жанр — автопортрет» [5, с. 232].

Эссе «Верхом на улитке» создано в начале 1980 г. На момент его написания герой и все писатели, которые упомянуты в эссе, как и сам Довлатов, находились в расцвете физических и творческих сил. В основном это поколение ровесников-ленинградцев, близко и тесно знакомых друг с другом. Шемякину (род. в 1943 г.) — 37 лет, И. Бродскому (1938—1996) — 42 года, Довлатову (1941—1990) — 39. Исключение составляет (только по месту проживания) москвич Венедикт Ерофеев (1938—1990), которому, как и Бродскому, 42 года. Всех их объединяет сложная и драматическая судьба, непримиримый конфликт с официальной идеологией и тоталитарным режимом СССР эпохи Л. И. Брежнева. Следствием этого конфликта является путь страданий и испытаний, через который прошли все эти творцы, и одновременно их ничем не поколебимая верность себе и искусству.

Реакция со стороны официальных властей в отношении этих творческих личностей проявляла себя в разных формах — всевозможные ограничения, запреты, скрытая и явная травля, психиатрические лечебницы, показательные процессы, ссылка. Трое, включая автора эссе, под давлением властей вынужденно эмигрируют из СССР: Михаил Шемякин в 1971 г. в возрасте 28 лет — во Францию, Иосиф Бродский в 1972 г. в возрасте 34 лет — сначала в Австрию, а затем в США, Сергей Довлатов в 1978 г. в возрасте 37 лет — в Америку.

Можно вспомнить трагическую судьбу и конфликт с официальной идеологией Венедикта Ерофеева, чьи произведения увидели свет лишь после его смерти и чья бессмертная поэма «Москва — Петушки» упоминается Довлатовым в эссе. Кроме Венедикта Ерофеева, все «действующие лица» эссе — изгнанники. Это вынужденная властями эмиграция, насильственное лишение Родины.

В контексте наших рассуждений становится понятным очевидное и закономерное появление эпиграфа к эссе с еще одним именем поис-

тине народного поэта с трагической судьбой — Владимира Высоцкого. Во фрагменте из стихотворения 1978 г. «Открытые двери больниц, жандармерий...» Высоцкий дает высокую оценку всему творчеству М. Шемякина, акцентируя доминантные черты личности своего друга — гениальность, твердость характера, волю, целеустремленность, безудержное стремление к правде.

...А все, что друг мой сотворил, —
От Бога, не от беса,
Он крупного помола был,
Крутого был замеса!.. [8, с. 114]

80

Выбор эпиграфа к эссе не случаен. Шемякина и Высоцкого связывали не только прочные дружеские и творческие отношения, о которых было хорошо известно Довлатову, но и общность судеб. Начало дружбы между ними датируется 1974 г. К сожалению, в июле 1980 г. она была прервана преждевременной смертью Высоцкого. Сам Шемякин говорил в интервью:

Меня с Володей связывала глубокая и длительная дружба. У нас было много общего как в биографии, так и в мироощущении. Отцы прошли войну, оба служили в Германии, где порознь проходило наше детство, дослужились до полковников. Оба мы впитали ужас руин побежденной великой страны. Потом был уют и теснота коммуналок на родине, где воочию предстала нам чудовищность режима Совдепии. Сближало и сходство характеров — устремленность в сферу искусства, а главное — желание найти правду, непримиримость и даже радикализм в поисках справедливости [10].

Особо подчеркнем, что ничто оказалось не способно сломить дух и волю этих творцов, никто из них не шел на сделку с совестью, никто не предал своих идеалов и стремления к красоте и гармонии, несмотря на вынужденное отчуждение от Родины. Стремление творческой личности к гармоническому универсуму, выраженное и закрепленное языком искусства, стремление осмысленное, последовательное и свободное, сближает творческие судьбы М. Шемякина, В. Высоцкого и самого С. Довлатова. Русский философ Сергей Булгаков, рассуждая о природе искусства, в которой, по его мнению, и коренится духовная телесность художника, отмечает, что искусство осуществляется «не как совокупность технически-виртуозных приемов, но как жизнь в красоте», «весь мир есть постоянно осуществляемое произведение искусства, которое в человеке, в силу его центрального положения в мире, достигает завершенности, ибо лишь в нем, как царе творения, завершается космос» [2, с. 221]. Бескомпромиссное следование своим идеалам, в том числе художественным, служение искусству вопреки каким бы то ни было ограничениям — таков жизненный и творческий путь Шемякина, Высоцкого, Бродского и автора эссе.

По мнению Довлатова, именно жизненные трудности, и в первую очередь советская власть и ее давление, формируют характер и волю человека искусства в современной России, определяют его трагическую судьбу:

На голове у каждого художника лежит металлическая плита соцреализма. И давит многотонной тяжестью. Художник тоже напрягается, мукает. Кто-то, сломленный, падает. Кто-то превращается в атланта [8, с. 115].

Трагические судьбы настоящих творцов — М. Шемякина, Вен. Ерофеева, И. Бродского, В. Высоцкого (и, как показало время, самого С. Довлатова) — противопоставляются в эссе по контрасту судьбе официально признанного российского художника Ильи Глазунова (1930—2017), облащенного властью, пожалованного званиями: на момент написания эссе — «Заслуженный деятель искусств РСФСР», «Народный художник РСФСР», позже — полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством». Здесь уместно вспомнить завет К.С. Станиславского, которому следовали все «действующие» лица эссе «Верхом на улитке», за исключением, по мнению С. Довлатова, И. Глазунова: «Любите искусство в себе, а не себя в искусстве».

Имя Михаила Шемякина встречается у Довлатова не только в эссе «Верхом на улитке». Он упоминается в двух частях «Записных книжек» в иронико-юмористическом, но одновременно уважительном ключе. В первой части, «Соло на Ундервуде (Ленинград. 1967—1978)», случай из жизни Шемякина представлен как анекдотическая миниатюра:

Молодого Шемякина выпустили из психиатрической клиники. Миша шел домой и повстречал вдруг собственного отца. Отец и мать его были в разводе.

Полковник в отставке спрашивает:

— Откуда ты, сын, и куда?

— Домой, — отвечает Миша, — из психиатрической клиники.

Полковник сказал:

— Молодец!

И добавил:

— Где только мы, Шемякины, не побывали! И в бою, и в пиру, и в сумасшедшем доме! [9, с. 269].

Явный юмористически-иронический дискурс — а это один из характерных маркеров стиля и поэтики писателя — сохранен Довлатовым и в анализируемом эссе. Здесь он представлен в эпатажно-юмористическом, ироническом, парадоксальном вступлении:

Лично я воспринимаю успех Михаила Шемякина на Западе как персональное оскорбление. Его успех оглушительен до зависти, мести и полного твоего неверия в себя.

Молодой, знаменитый, богатый, талантливый, умный, красивый и честный... Можно такое пережить без конвульсий? Не думаю... [8, с. 115].

Подобный тон повествования настраивает читателя на определенную рецепцию. Ирония и юмор сохраняются автором на протяжении всего эссе, пусть и в смягченной форме:

Короче, привычный советский детектив, без выстрелов, но с жертвами. Затем эмиграция, слава, назойливые корреспонденты...

В Ленинграде я Шемякина знал мало. А теперь знаю еще меньше. Хотя вспоминается и наше знакомство, и какие-то разговоры... [8, с. 115].

Иронико-юмористический стиль нужен писателю для того, чтобы поставить и со всей серьезностью рассмотреть ключевую тему судьбы художника и проблему его взаимоотношений с властью. Таким образом, мы встречаемся с характерным приемом, используемым автором эссе, — приемом обманутого ожидания. Автор говорит юмористически о серьезном, иронически о драматическом. Или наоборот.

Подчеркнем характерную прагматику эссе Довлатова. Речь идет и о прямом, и о подразумеваемом, косвенном обращении автора к реципиенту. Писатель активно «подключает» читательскую аудиторию к собственным рассуждениям о судьбе М. Шемякина и — обобщенно — к драматическим, а порой и трагическим судьбам творческих личностей в СССР. Эта установка достигается в эссе двумя основными способами: при помощи экспрессивной и эмоционально-оценочной лексики, а также особой синтаксической организации текста. Обилие вопросительных предложений, в частности риторических вопросов, — характерная черта рассматриваемого эссе. Его финал — это гимн мужеству художника и преклонение перед творцом, противостоящим власти, вопреки любым ограничениям и запретам стремящимся к достижению цели и в конце концов, путем страданий и утрат, побеждающим.

Вы спросите, а при чем тут улитка? Улитка при том:

Можно всю жизнь, подобно Илье Глазунову, копировать русские иконы. И всю жизнь провалиться в материалистической луже. А можно — по-другому. Оседлать, как Шемякин, метафизическую улитку и в безумном, ошеломляющем рывке пробить небесный купол...

И что тогда? А тогда — разговор с Небожителем.

И тут мы, непосвященные, умолкаем... [8, с. 116].

Тоталитарная система эпохи Брежнева не поняла и не смогла оценить по достоинству творчество Венедикта Ерофеева. Она же исторгла «чуждых» ей Шемякина, Бродского и Довлатова из страны. Но, став эмигрантами, все трое не перестали быть великими деятелями русского искусства с мировыми именами.

Согласно наблюдению Владимира Вейдле, «чтобы создать что-нибудь, надо себя отдать. Искусство — в человеке, но чтобы его найти, надо всего человека перепахать, перелить в искусство» [6, с. 287]. Именно это сделали упоминаемые в эссе творцы, отдавшие искусству себя без остатка. Владимиру Высоцкому суждено было 42 года жизни, Венедикту Ерофееву — 52, Иосифу Бродскому — 58 лет, Сергею Довлатову — 49. Но в искусстве все они, как и здравствующий Михаил Ми-

хайлович Шемякин, — несомненные победители. Как тонко отметил В. Попов, «тоталитарная система не погубила Довлатова. Скорее, он ее погубил» [15, с. 443]. Но, рассуждая о судьбе художника в условиях тоталитарной системы и, соответственно, о своей собственной судьбе, Довлатов тактично и скромно ставит себя в один ряд с «непосвященными».

Прошедшие десятилетия показали, что неослабевающая популярность и глубокая рецепция произведений Довлатова в России и за рубежом, как в читательской среде, так и среди литературоведов, являются высокой объективной оценкой его блестящего таланта и творческих достижений. И, как совершенно справедливо замечает один из ближайших друзей Довлатова Александр Генис, размышляя о жизни и судьбах И. Бродского и С. Довлатова в России, а затем в эмиграции, оба «сумели воспринять свою судьбу с достоинством и даже благодарностью. Они превратили изгойство в авторскую точку зрения, отчуждение — в стиль, одиночество — в свободу» [7, с. 234].

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 254 — 607.
2. Булгаков С. Н. Свет невечерний: созерцания и умозрения. М., 1994.
3. Бубер М. Я и Ты // Бубер М. Два образа веры. М., 1995. С. 16 — 92.
4. Вайль П. Без Довлатова // Петрополь: Альманах №5. Памяти Сергея Довлатова. СПб., 1994. С. 217 — 222.
5. Вайль П., Генис А. Искусство автопортрета // Петрополь: Альманах №5. Памяти Сергея Довлатова. СПб., 1994. С. 227 — 232.
6. Вейдле В. Умирание искусства: размышления о судьбе литературного и художественного творчества // Самосознание европейской культуры XX века: мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М., 1991. С. 268 — 292.
7. Генис А. Бродский и Довлатов // Петрополь: Альманах №5. Памяти Сергея Довлатова. СПб., 1994. С. 233 — 234.
8. Довлатов С. Верхом на улитке // Петрополь: Альманах №5. Памяти Сергея Довлатова. СПб., 1994. С. 114 — 116.
9. Довлатов С. Собр. соч. : в 3 т. СПб., 1993. Т. 3.
10. Дружили два Таланта. Высоцкий и Шемякин // URL: <https://www.liveinternet.ru/users/5130314/post364170716/> (дата обращения: 28.08.2020).
11. Егеров В. В. Нас свет столетний юбилей вождя // Следствие продолжается... : кн. 10. СПб., 2016. С. 143 — 148.
12. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993.
13. Лосев Л. Русский писатель Сергей Довлатов // Собр. соч. : в 3 т. СПб., 1993. Т. 3. С. 363 — 371.
14. Малоизвестный Довлатов : сб. СПб., 1996.
15. Попов В. Кровь — единственные чернила // Малоизвестный Довлатов. СПб., 1999. С. 438 — 443.
16. Федотова Ю. В. Проза С. Довлатова: экзистенциальное сознание, поэтика абсурда : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2006.
17. Философский энциклопедический словарь. М., 2001.

Об авторе

Владимир Владимирович Малащенко — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: vladmalkbg@yandex.ru

The author

Dr Vladimir V. Malashchenko, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: vladmalkbg@yandex.ru